

Ростовская Мария Федоровна

**Рассказы из путешествий для
детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Федоровна Р.**
Рассказы из путешествий для детей / Ростовская Мария Федоровна – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 294 с.

ISBN 978-5-519-83548-0

ISBN 978-5-519-83548-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

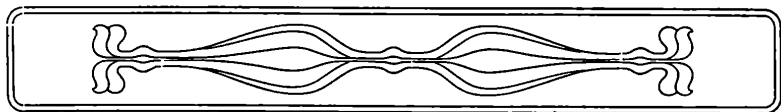
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПО ДОРОГЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІЮ.

РАЗСКАЗЪ.

Находка.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ житель, Александръ Сергѣевичъ Томскій, ѣздилъ лечиться за-границу съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ Леонидомъ. Мальчикъ на видъ казался старше своего возраста, былъ веселъ, здоровъ и потому предпринятое путешествіе приводило его въ восторгъ. Погода стояла чудесная; желѣзная дорога такъ незамѣтно сокращала путь, что выѣхавъ въ 11 часовъ утра изъ Петербурга, не вѣрилось, что на другой же день въ три часа пополудни путешественники были уже на границѣ, то-есть пролѣтели почти 900 верстъ. Въ Эйдкуненѣ начинается Пруссія, и новизна пріятно заняла Леонида. Дебаркадеръ великолѣпенъ, какъ средне-вѣковый замокъ, съ прекрасною залою, во вкусѣ давно прошедшихъ вѣковъ, съ деревяннымъ, красивымъ потолкомъ и деревянною обклейкою цоколя, пріятно гармонирующими съ темными обоями на стѣнахъ, на которыхъ статуи въ ни-

шахъ придаютъ всей комнатѣ совершенно оригинальный характеръ. Окна особой формы, цвѣтныя стекла, богатыя бронзовыя люстры; все это Леониду очень нравилось, хотя, по правдѣ сказать, эта излишняя роскошь не можетъ на всѣхъ дѣйствовать равно. Съ своей стороны признаюсь, она мнѣ кажется лишнею. — Отъ удобнаго и прекраснаго необходимаго до излишняго ненужнаго очень далеко.

Прислуга въ Эйдкуненѣ и по всей дорогѣ отличается вѣжливостью и предупредительностью. Нельзя не замѣтить, что этотъ классъ народа гораздо болѣе образованъ, чѣмъ у насъ въ Россіи. И по Пруссіи наши путешественники летѣли какъ на крыльяхъ. Во вниманіе болѣзненнаго состоянія господина Томскаго, кондукторы старались не стѣснять его посторонними лицами, и даже въ Кенигсбергѣ, гдѣ, по случаю какой-то выставки, очень было много народа, подойдя къ окну вагона, въ которомъ сидѣли наши русскіе путешественники, кондукторъ шепнулъ имъ дружески: «Если только будетъ возможность, то я къ вамъ никого не посажу, чтобы не беспокоить больного».

На половинѣ дороги отъ Кенигсберга до Берлина, Александръ Сергѣевичъ крѣпко заснулъ, а Леонидъ глядѣлъ какъ быстро бѣжали мимо него и поля, и лѣса, какъ незамѣтно спѣшили одинъ за другимъ телеграфныя столбы, приподнимая фестономъ свои проволоки, которые безостановочно поднимались и опускались передъ глазами мальчика. Развернувъ свой дорожный мѣшокъ, Леонидъ выронилъ изъ него свой путеводитель въ красномъ переплетѣ, и нагнулся,

чтобы поднять его, какъ замѣтилъ тутъ же лежавшую у него подъ ногами записную книжку: онъ поспѣшилъ ее взять въ руки. Книжка была переплетена въ темный сафьянъ, довольно потертый, и на немъ темными же буквами было вытиснуто по русски:

«Неоцѣненная моя записная книжка 1864 г.

Лсонидъ осмотрѣлъ книжку снаружи, вынулъ карандашъ, и на первой страницѣ прочелъ: «Пятнадцатилѣтнему внуку, въ день рожденія».

«6 мая. — Призывай имя Господне во всѣхъ дѣлахъ твоихъ. Будь увѣренъ, что съ этимъ именемъ, высшимъ такъ тѣсно соединеннымъ съ добромъ, и дѣла твои будутъ чище и свѣтлѣе. Искреннее и постоянное желаніе поступать по повелѣніямъ Божіимъ можетъ служить вѣрнымъ и прочнымъ основаніемъ честной и благой жизни».

— Ну, это кажется нравоученіе, а я нравоученій вообще терпѣть не могу, подумалъ Леонидъ. Онъ перевернулъ листъ, но и на второй, на третьей и даже на шестой страницѣ тою же рукою были написаны другіе совѣты, на которые нашъ молодой путешественникъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Потомъ увидѣлъ онъ, что другою рукою были наскоро начертаны путевыя записки, ровно за годъ писанныя, по этой же желѣзной дорогѣ, и вѣроятно возвращавшійся путешественникъ обронилъ свою книжку въ ту самую минуту, когда онъ переходилъ на русскую границу. Записная книжка была почти вся исписана и на послѣдней страничкѣ онъ прочелъ:

«Много видѣлъ я прекраснаго, интереснаго, но

все-таки всего лучше моя родная бабушка, къ которой мы возвращаемся съ такою радостью».

Леониду забавно было, что не зная, кто былъ потерявшій книжку, но между тѣмъ знакомился съ умомъ и сердцемъ, какъ казалось, очень интереснаго мальчика, и правдивость его замѣчаній видна была съ первыхъ же страницъ.. Еслибы Леонидъ самъ записывалъ свое путешествіе, то его замѣчанія не вѣрнѣе были бы переданы, какъ въ найденной записной книжкѣ.

— Оно выходитъ прекрасно, думалъ Леонидъ. Этотъ баринъ видно предчувствовалъ, что я писать не охотникъ, вотъ онъ все записалъ самъ, да и потерялъ свою книжку на мое счастье въ нашемъ вагонѣ.

Когда Александръ Сергѣевичъ проснулся, мальчикъ поспѣшилъ показать ему свою находку.

— Посмотри, папа, говорилъ Леонидъ, вѣдь какъ это справедливо! онъ поспѣшилъ прочитать:

«По Пруссіи ѣдешь, точно по сѣверной полосѣ Россіи, тѣ же тошія поля, тѣ же вытянутые сосновые лѣса, чуть-чуть кудрявые на макушкѣ, и та же безконечная равнина, впрочемъ около деревень попадаются аисты кучками, и часто видно, какъ, стоя на одной длинной ногѣ и поджавъ другую, на краю крестьянскаго дома, красивый бѣлый аистъ, съ своимъ чернымъ хвостомъ, точно караульный часовой сторожить пріютившую его избушку».

— Покажи мнѣ эту книжку, сказалъ Александръ Сергѣевичъ, можетъ быть, намъ придется ѣхать этимъ же путемъ, и незнакомый товарищъ будетъ твоимъ путеводителемъ.

— Это будетъ мой другъ невидимка, отвѣчалъ

Леонидъ со смѣхомъ, это забавно... вѣдь эта книжка совсѣмъ не то, что всякая другая.—Она все равно, что живой человѣкъ,—право, презабавная штука, говорилъ мальчикъ, передавая находку отцу.

Не успѣлъ Александръ Сергѣевичъ прочесть первыхъ страничекъ, какъ сказалъ сыну съ едва замѣтнымъ упрекомъ въ голосъ:

— Жаль мнѣ, братъ, что ты не обратилъ должнаго вниманія на первыя страницы. Тутъ такія прекрасныя чувства и мысли, что мнѣ за тебя обидно, отчего ты не оцѣнилъ ихъ съ перваго взгляда?

— Я даже ихъ и не читалъ, отвѣчалъ немного озадаченный юноша, мнѣ показалось, что тутъ все нравоученія.

— Оно такъ и есть, но неужели ты думаешь, что въ нравоученіяхъ только мертвыя буквы и слова? Ты теперь не маленькій и можешь разсуждать самъ.—Человѣку, одному изъ всѣхъ твоихъ, дана способность соображать, сравнивать, выводить особенныя заключенія; пора и тебѣ почувствовать въ самомъ себѣ это стремленіе узнать во всемъ истину, отыскать ту правду, которая должна вести тебя къ добру. Посмотри какъ это дѣльно. Если тебѣ случится сдѣлать или принести какую нибудь жертву своей матери, то помни, что все-таки это будетъ только сотая доля тѣхъ жертвъ, которыя она приносила тебѣ со дня твоего рожденія.

— Но скажите, папа, какія же это жертвы? я у мамы никогда ничего не просилъ, кромѣ мелочей, о которыхъ и говорить не стоитъ...

— Вотъ хорошо! А сосчитай-ка всѣ безсон-

ныя ночи, которыя она провела у твоей младенческой колыбельки, всѣ безпокойства, черезъ которыя прошла съ твоими дѣтскими болѣзнями... съ первоначальнымъ ученіемъ, съ воспитаніемъ... Вотъ они, дѣти-то, ничего не понимаютъ.

— Правда, правда, я объ этомъ и забылъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Видно, твой невидимка другъ тоже не очень это помнилъ, если его бабушка записала ему свой совѣтъ въ книжку. Посмотримъ что далѣе:

«Когда твое ученіе и образованіе идутъ успѣшно, не забывай, что твои способности тебѣ даны свыше, и что все сдѣлано, чтобы облегчить твой трудъ,—поэтому не гордись».

— Ну, покуда, это меня не касается, мнѣ гордиться нечѣмъ, отвѣчалъ Леонидъ, если мой другъ невидимка и одинакихъ со мной лѣтъ, все же нельзя не признаться, что онъ лучше моего пишетъ, и какъ кажется, меня умнѣе... тутъ есть въ книжкѣ преуморительныя замѣчанія, они мнѣ и въ голову бы не вошли...

— Тѣмъ лучше, прервалъ Леонида отецъ, онъ и тебя заставитъ думать и разсуждать; вѣрь, что и въ человѣкѣ умъ можетъ заглохнуть, если ему не даютъ работы, и напротивъ, можно развить и усилить его дѣятельность... мнѣ даже досадно, что твой умъ все еще спитъ, не смотря на то, что тебѣ пятнадцать лѣтъ...

Леониду было немного непріятно слышать слова отца, и онъ поспѣшилъ сказать:

— Ну, что же еще тамъ есть въ нравоученіяхъ?... прочтите, пожалуйста, папа.

«Любить человѣчество, громкая современная фраза,—не вѣрь ей. Люби твоего ближняго по

словамъ Евангелія, и ты убѣдишься, что съ этою любовью должно быть соединено добровольное самоотверженіе, которымъ единственно повѣряется «истинная любовь». Ты скоро собственною опытностью убѣдишься, что тѣ, которые громче всѣхъ кричатъ о любви къ человѣчеству, перстомъ не пошевелиять, чтобы помочь самому близкому сосѣду, находящемуся въ бѣдѣ. Оказать услугу цѣлому человѣчеству—часто дѣло случая и въ самыхъ великихъ открытіяхъ, какъ напимѣръ силы паровъ Фультономъ, первыхъ оттисковъ фотографіи Дагеромъ, силы притяженія Ньютономъ, любовь къ человѣчеству никакой роли не играла. Любовь была къ наукѣ. Великія открытія, которыя оказались столь благодѣтельными для всѣхъ людей, вообще были плодомъ ученыхъ постоянныхъ трудовъ на избранномъ пути. Такого рода услуги принадлежать немногимъ избраннымъ, любить же людей, какъ своихъ ближнихъ, можетъ быть свѣтлою добродѣтелью каждаго изъ насъ; ближніе насъ окружають, и мы всѣ, люди, ежечасно нуждаемся въ помощи другъ друга, хотя большею частію живемъ и мало объ этомъ думаемъ. Если ты будешь слышать около тебя громкія похвалы любви къ человѣчеству, припоминай, что бабушка твоя тебѣ писала о любви къ ближнему, и самъ увидишь, что одно другаго доступнѣе, и не отказывайся сдѣлать ту каплю добра, которая будетъ отъ тебя зависѣть почти на каждомъ шагу твоей жизни».

— Ахъ, какъ это справедливо, сказалъ Александръ Сергѣевичъ, какая умная эта старушка, да и внучекъ видно не дуракъ, что назвалъ

свою книжку «неоцѣненной»: вѣроятно онъ не свои собственныя замѣтки цѣнилъ такъ высоко?

— Ужъ конечно не свои, отвѣчалъ Леонидъ, а много ли тамъ еще бабушкиныхъ-то совѣтовъ, посмотри, папа, пожалуйста.

— Еще будетъ чѣмъ тебѣ наскучить, отвѣчалъ шутя отецъ. Пожалуй, на сегодня и довольно.

— Нѣтъ, право, мнѣ не скучно, право, папа, ты знаешь, что я никому не лгу; почитай еще— а послѣ мы станемъ читать, что внукъ писалъ.

— Знаешь, Леонидъ, что мы слѣлаемъ? мы лучше съ этой книжкой будемъ совѣтываться по пути; я ее почти всю пробѣжалъ. Твой другъ невидимка именно былъ тамъ, куда мы ѣдемъ; онъ будетъ насъ вести а мы его, своими замѣтками повѣрять, это очень интересно.

— И прекрасно, папа до Берлина у него кажется ничего болѣе и не написано.

— Я только горюю за него, что онъ книжку свою обронилъ. Вѣроятно она была назначена бабушкѣ, которая, можетъ быть, ждетъ не дождется своего внука... съ этимъ подаркомъ...

— И, вѣроятно, самъ внукъ въ отчаяніи, что потерялъ бабушкину мораль, сказалъ шутя Леонидъ, хотя она и мораль, но и я сознаюсь, что мораль отличная.

— Я предлагаю, что эти совѣты и безъ книжки можно помнить, если они дѣйствительно коснулись ума и сердца того, кто ихъ читалъ... Вотъ если внукъ впустилъ ихъ въ одно ухо, да выпустилъ въ другое, тутъ толку мало.

— Но тогда онъ бы свою книжку не назвалъ «неоцѣненной», сказалъ поспѣшно Леонидъ.

— Ты правъ, все доказываетъ, что если бабушка умная и прекрасная старушка, то и мальчикъ ея достоинъ.

— Что же, папа, ты не читаешь далѣе? спросилъ Леонидъ.

— Становится темно, оставимъ до Берлина, да вотъ и станція, продолжалъ Александръ Сергѣевичъ; пойдѣмъ чай пить.

Поѣздъ остановился и они вышли.

На другой день, въ шесть часовъ утра, наши путешественники были уже въ Берлинѣ. Погода была ясная, теплая, солнечная, и Леониду терпѣнья не доставало какъ бы поскорѣй вырваться на улицу. Они остановились Подъ Липами, „Hotel du Nord“. По раскрытому на столѣ плану города, Леонидъ съ нимъ знакомился, и хотя улицы были еще мало наполнены народомъ, но его все занимало новизною. Александръ Сергѣевичъ спряталъ найденную книжку къ себѣ въ карманъ, и потому Леонидъ не могъ справиться, что писалъ о Берлинѣ его другъ-невидимка, а утомленный отецъ его отдыхалъ за обѣ ночи на прекрасной постелѣ, и вознаграждалъ себя за потерянный сонъ, путешествуя какъ на коврѣ-самолетѣ. У Леонида ни въ одномъ глазу сна не было, онъ сѣлъ къ окну и смотрѣлъ на улицу, какъ разноцвѣтные омнибусы, и желтые, и красные, и зеленые, шныряли и взадъ и впередъ, высаживая и подсаживая сѣдоковъ на пути; какъ собаки, добросовѣстно не смотря на свои намордники, которые вѣроятно имъ были очень не по вкусу, запряженные въ разныя телѣжки, возили и зелень, и корзины, и хлѣбъ, и молоко, и бѣлье, укрытое и увязанное, а прачка между тѣмъ, въ подтянутой черной кофтѣ на коричневой юбкѣ, въ

бѣломъ накрахмаленномъ чепчикѣ и бѣломъ же передникѣ, идетъ рядомъ съ своею разнорослой парой собакъ, одной большой рыжей и другой маленькой черненькой, и больше для проформы какъ будто имъ помогаетъ тащить свою порядочно нагруженную телѣжку. Собаки высунувъ языкъ, не хуже лошади, не хуже человѣка справляютъ свое дѣло, сберегая трудовыя руки хозяина или хозяйки Леонида занимали большущія фуры; запряженные отличными и крупными и сытыми лошадьми по двѣ цугомъ, и блузникъ хозяинъ, сидя на своей громадной телѣгѣ, съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ, какъ будто шутя помахиваетъ имъ на своихъ лошадей, которыя такъ чисто вычищены, такъ сыто накормлены, что, кажется, ударить ихъ онъ никогда не рѣшится. Какъ этимъ чуднымъ извознымъ лошадямъ не быть лучшимъ помощникомъ человѣку, когда человѣкъ умѣетъ такъ хорошо ихъ беречь и лелѣять?

— Ай да лошади? повторялъ въ полголоса Леонидъ, ай да четверка! Когда-то у насъ будутъ такія лошади въ извозѣ? думалъ мальчикъ. Ему невольно приходило на умъ, что четыре такія лошади везутъ тяжесть не малую и все же ими управляетъ только одинъ человѣкъ; поэтому силы человѣческія на много сбережены. Это не то, что нашъ русскій обозъ въ двадцать лошадей, да въ двадцать телѣгъ, да въ двадцать мужиковъ. Сколько желудковъ надо прокормить, пока тяжесть доѣдетъ до мѣста назначенія. Леонидъ былъ мальчикъ умный, все это ему живо представлялось, и онъ невольно самъ себя сказалъ:

— Папа совершенно справедливъ: сравнивая